

Валерия Исаева
Americano

Валерия Андреевна Исаева

Americano

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489682

ISBN 9785449393302

Аннотация

То, чего человек желает от жизни, само находит его без каких-либо усилий. И истории персонажей этой книги являются тому подтверждением. Эта короткая история о том, как простые явления жизни – добрые дела, радость, дружба, работа, расставания, сформировали уникальный и захватывающий жизненный путь каждого из персонажей. В ходе повествования не раз подчеркивается, что счастье не является чем-то недостижимым, и прежде всего оно внутри нас, и вновь обрести его может абсолютно каждый человек.

Содержание

Глава 1	5
Джерри Джеймсон	5
Глава 2	16
Полёт	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Americano

Валерия Андреевна Исаева

© Валерия Андреевна Исаева, 2018

ISBN 978-5-4493-9330-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Джерри Джеймсон

Лекционный зал постепенно наполняли слушатели семинара. Большинство составляли юноши и девушки, или совсем недавно пришедшие в профессию, или только планирующие совершать свои первые шаги в ней. Атмосфера создавалась творческая, легкая и непринужденная, на улице смеркалось, в зале же было светло и уютно. Кто-то сидел молча, некоторые собирались в группки и общались на разные темы, оживленно обсуждая нюансы профессии бармена.

Творческий беспорядок прекратился за секунду, когда вошла она. Она притянула к себе взгляды аудитории из нескольких десятков человек, еще даже не дойдя до места, откуда планировалось чтение семинара.

Джерри Джеймсон. Брюнетка среднего роста, стройного телосложения, с аристократическими чертами лица. Она обладала идеальной осанкой, будто несла на голове корону.

Молодым людям, как правило, присущ бунтарский дух, однако, в ходе мероприятия, даже самые бойкие из них постеснялись спорить и доказывать свою точку зрения. Джина сидела, затаив дыхание и внимая каждому слову.

В кульминационный момент лекции Джерри выронила

из руки чашу шейкера и та отскочила от пола, издав характерный гулкий звук. Аудитория ахнула, а Джерри продолжила выступление, как ни в чем не бывало, будто не понимая, что вызвало такую реакцию. Даже не обратила внимание на всеобщее изумление. Что это – заносчивость, или просто непоколебимая уверенность в себе?

В конце мероприятия, когда все уже собирали вещи и расходились, Джерри будто приковала Джину взглядом к стулу, на котором та сидела. В аудитории осталось два человека. Подойдя ближе, Джерри затянулась сигаретой в мундштуке и произнесла:

– Знаешь, не слушай дураков, и все будет прекрасно.

Джина опешила. Откуда этой женщине известно, что коллеги Джины то и дело подшучивают над ней и твердят, что девушке не место в профессии бармена?

– Рассмейся им в лицо, – продолжала она, – и покажи, что это лучше их к производству не подпускать. Сейчас нравы куда либеральнее, мне же повезло меньше. Когда начинала я, критики и высокомерия встречала куда больше. Ты это сделаешь не за один день, но ты это сделаешь. Если уж мне, уроженке Глендейла, это удалось... В ход были пущены все средства, не спорю. Джерри – в честь легендарного миксолога Джерри Томаса, Джеймсон – в честь бренда виски. При рождении – Рипсима Закарян. В церковной школе училась, из дома ушла в шестнадцать лет. Начала с официанта, два года спустя встала за барную стойку.

Джина внимательно слушала и в то же время находилась в некой растерянности. Почему эта женщина выбрала именно ее и сейчас разговаривает именно с ней?

– Неплохое начало знакомства, – ухмыльнулась Джерри, видя состояние Джины

– Почему вы ушли из дома? – спросила девушка, явно недоумевая.

Собеседница никак не производила впечатление выходца из неблагополучной семьи.

– Я выросла из коротких штанишек, – многозначительно ответила Джерри, делая очередную затяжку сигаретой, – куда бы я ни глядела, кругом были моралисты, словно сошедшие со страниц Ветхого Завета. На меня всю жизнь показывают пальцами, и я радуюсь. Радуюсь тому, что живу так, как другие боятся. Я жила в обществе и в то же время не хотела внимать его законам. Потому что человек не принадлежит обществу. Он принадлежит Богу и самому себе. И отвечает он только перед этими двумя величинами, ни перед кем более.

Когда мне было шестнадцать лет, в соседний дом переехала семья, состоящая из отца, матери и сына. Это были люди состоятельные, имевшие свой бизнес в торговле, как и мои родители. Наши семьи начали общаться в первый же день знакомства. Я обратила внимание на их сына, Рауля. Он был единственный в семье и уникальный. Обладал внешностью Мефистофеля, будто со средневековой гравюры со-

шел. Брюнет, высокий, худощавый, с пронизательными карими глазами. Мы часто здоровались друг с другом, когда наши родители собирались дома у нас или у них, с целью обсудить дальнейшее развитие бизнеса и создать совместное предприятие. Рауль учился в университете на психолога, может быть, благодаря этому мы разработали с ним целую систему невербальной коммуникации, посредством которой общались за спинами наших матерей и отцов.

Через месяц такого общения, мы начали угадывать время для свиданий, отталкиваясь от рабочего графика родителей и наших с Раулем расписаний в учебных заведениях. Строгие были нравы... Соседям тоже не надлежало быть свидетелями наших встреч. Благодаря отточенным навыкам общения с помощью жестов, мимики и сигналов мысли, на которые мы оба уже автоматически реагировали, мы выбирали места для свиданий: палисадник, задний двор, скамья в парке, спрятанная под тяжелыми ветвями деревьев. Каждая встреча оборачивалась для нас неподдельным восторгом, мы искренне наслаждались обществом друг друга.

Моя мать словно чуяла, что между мной и Раулем была некая искра, делала мне наставления и предупреждения, но это было, во-первых, бесполезно, во-вторых, не доказуемо. Она стала жаловаться отцу, но тот отказывался верить, однако, тоже проводил нравоучения на тему, что должна и что не должна делать девушка моего возраста, тем более, дочь таких родителей, как они.

В скором времени мои мама и папа должны были уехать на три дня в соседний город, там у них тоже были партнеры по бизнесу, с которыми предстояло открывать торговую фирму. Мы с Раулем ждали этого дня, как праздника.

В день X, как только родители покинули наш квартал, мой друг мгновенно появился на пороге нашего дома. Я открыла дверь, он крепко обнял меня, мы стояли у входа и целовались. Остерегаться было нечего, мой дом – моя крепость, и в ближайшие три дня никого постороннего не будет на этой территории. Но, ты будешь смеяться. В этот прекрасный момент открывается дверь и заходит отец. Он забыл некие документы и вернулся домой, чтобы забрать их. Сначала он находился в оцепенении, потом рвал и метал. Я была обвинена во всех смертных грехах. Дочь. Единственная. Рауль был интеллигентно выпровожен за дверь. Зашла мать. Скандал был грандиозен. Сыпались упреки, что я гулящая, что меня никто замуж не возьмет и что я позорю народ. Эта весть дошла до родителей Рауля, а после облетела весь микрорайон. В церковной школе меня отчитывали. Моя жизнь превратилась в кошмар, мне постоянно казалось, что я сплю и мне просто снится такой жуткий сон, а когда я проснусь, он пройдет. Но я не просыпалась.

Тогда мной было принято решение бежать из дома, поскольку просто уйти мне бы не дали. Каждый мой шаг, каждый мой вздох был под контролем, а с момента того инцидента – особенно. Я не понимала и не принимала такую поли-

тику. Я собрала минимальный запас вещей, все свои финансовые сбережения, документы, и покинула дом глубокой ночью, удостоверившись, что все спят. В ближайшие дни, осев в другом штате, я устроилась работать официантом, на аренду комнаты и на питание денег мне хватало.

Насчет того, что на меня подадут в розыск, я опасений не имела. Знала, что если не будешь бояться, то это не произойдет ни за что в жизни. Договор аренды жилья был оформлен не на мое имя, да и с рестораном я трудовой договор не подписывала.

Удивительно, но никакого негодования у меня не было по поводу сложившейся дома ситуации. Наверное, потому что обижаться на кого-то – это не мой уровень. Новая профессия поглотила меня настолько, что ни о чем другом не было времени думать. Я не на шутку увлеклась своей работой, даже если был большой поток гостей, я легко и с удовольствием успевала всех обслуживать, все оставались довольны, мой заработок рос за счет чаевых. Руководство не могло на меня нарадоваться, но я умом понимала, что работа официанта – это перевалочный пункт, ведь каждый рабочий день я поглядывала в сторону барной стойки. Вот там, как мне казалось, свой мир, своя атмосфера, там находятся настоящие волшебники и происходят прекрасные чудеса. Да, мне свойственно было романтизировать, но, ведь если разобраться, такова и есть суть профессии. Я понимала, что это тоже непростое ремесло, но перспективой физи-

ческого труда меня было не напугать.

У меня было понимание, что моего опыта в ресторанной сфере еще недостаточно для перехода на должность бармена. Я не просто принимала заказы и разносила блюда, мой ум замечал все и сразу, постепенно ко мне приходило осознание структуры работы предприятия в ресторанном бизнесе. Все нюансы складывались в один большой пазл, разглядывая который, я становилась ближе и ближе к заветной цели. Я хранила не мечту, а знание, что мне достанется работа за барной стойкой. А каким образом это произойдет, меня не волновало, этот вопрос был предоставлен судьбе.

Джерри достала еще одну сигарету из портсигара, поднесла к губам и подожгла, прервав свое повествование. Взгляд ее был направлен в потолок, куда она и выпускала кольца дыма. Джина мысленно собрала все формулы вежливости и промолвила:

– Я не берусь судить ваших родителей, но это было кощунство – очернить такие светлые отношения, какие были у вас с Раулем.

– А это не осуждение, это констатация факта, – спокойно ответила женщина, – ты знаешь, что есть здравый смысл, а есть догма. Следуя догме, человек совершает страшное преступление, отказываясь от возможностей своего ума, сила которого безгранична. Отец, согласно традиций, очень хотел сына, он места себе не находил, когда родилась я. Го-

ревал, бесился, потом более ли менее привык. Срывал свой гнев на мне и матери, потому что произошло то, что не соответствовало его ожиданиям. Страшная ловушка, эти ожидания, много людей в нее угодило...

Джерри откинула черные волосы за спину, подняла острый подбородок. В ней чувствовалась непоколебимая сила духа, которой отличаются немногие. Этот непередаваемый колорит сыграл немалую роль в становлении ее, как профессионала своего дела.

– А ведь мое имя даже выговорить никто не мог, – усмехнулась Рипсима, – так и появилась Джерри, – когда я изъявила желание встать за барную стойку, все коллеги показали разную реакцию. Знаешь закон тесного коллектива – всем до всего есть дело, каждое твое слово будет услышано и все по поводу него выскажутся. Бесконечная хвала тем людям, которые поверили в меня, разглядели во мне потенциал и вызвались быть моими наставниками. Я благодарю этих людей по сей день. Естественно, подавляющее большинство предпочитало просто насмехаться. Каждый день я слышала от них порядка десяти шуток о том, что не женская это профессия. Знаешь, как это закалило меня? Чтобы оставаться на плаву и достигать новых высот, необходимо знать две вещи: строго выполнять свои обязанности и ничего не принимать близко к сердцу. Сильные помогают, слабые – насмеются. Все просто, – продолжала она, – благодаря своей жиз-

нерадостности, в любой ситуации я видела положительные нюансы, а на всякие шутки обывателей реагировала ухмылкой. Все помнят молодую Джерри вечно улыбающейся, веселой, настроенной на мажорный лад. Обыватели никуда не делись, просто сейчас они позабыли свои шутки по поводу гендерной принадлежности, понимая, что их мнение было заведомо ошибочным. Сейчас они эволюционировали, пытаюсь доказать, что я «сдаю позиции и молодежь уже наступает на пятки». Пока ты это расцениваешь как пустую болтовню и сотрясание воздуха, ты находишься на вершине, до которой им просто физически не доползти, запомни, – назидательно сказала Джерри, – ты спросишь про мои отношения с родителями, но я тебя разочарую. Мы так ни разу и не увиделись с момента моего побега. Прошло уже около тридцати лет. Они не молодеют, здоровье уже не то, а я как была, так и осталась единственным ребенком.

Внезапно из коридора раздался голос:

– Мисс Джеймсон, на ваше имя пришло письмо!

Джерри обернулась и, своей королевской походкой, прошла до двери аудитории. Стоявший по ту сторону двери секретарь ассоциации барменов, где проходило обучение будущих специалистов, протянул ей конверт и улыбнулся:

– Как всегда, отлично выглядите, – заметил он

– И ты не отстаешь, – шепнула Джерри и забрала послание

Молодой человек немного опешил от ответа, проводил

глазами удаляющуюся вглубь аудитории Джерри, и поспешно ретировался.

Стоя рядом с Джиной, она открыла конверт, вытащила сложенный пополам лист А4 и вгляделась в строчки, написанные дрожащим почерком.

– Арут Закарян... Отец... Вот так совпадение, – прошептала она, – смотри, душа моя, иди сюда...

Джина поднялась со стула и встала за спиной Джерри, стараясь разобрать строки.

– Доченька, здравствуй, – читала она, словно пономарь, – не знаю, как ты поживаешь, но, надеюсь, у тебя все прекрасно. Много лет прошло, как мы не виделись, ты поменяла имя, что ж, ради Бога, если тебе так нравится больше. Ты избрала свой путь, ты преуспела на нем. Если тебе тревожит какая-то печаль, приходи к нам, для тебя всегда будет накрыт стол и распахнуты двери. Твои Арут и Гоар. Что же творится, Джина, – отвлеклась она от письма и посмотрела на собеседницу.

– Джерри, – выдохнула она, – придите. Забудьте то, что было. Ведь если бы не та ситуация, не было бы вас нынешней.

Джерри обняла девушку, и, около минуты они стояли, обнявшись.

– Закончим завтра занятие и полетим, согласна? – даже не спросила, а поставила перед фактом женщина, – два часа самолетом – и мы на месте.

– Согласна, – наполовину умиротворенно, наполовину оживленно ответила Джина

Губы Рипсима тронула легкая улыбка, глаза засияли.

– Почему вы подошли именно ко мне, – задала вопрос Джина

– Потому что увидела тот потенциал, который когда-то увидели во мне, – абсолютно непоколебимо ответила Рипсима.

Глава 2

Полёт

Вечером двое друзей направились в аэропорт. Стоя в очереди к стойке регистрации рейса, Рипсима продолжала беседовать с Джиной, которая предпочитала больше слушать, открывая все больше новых граней этой личности, и усваивая уроки жизни.

– Если не будешь ценить себя, то будешь продан, как просроченный товар на ярмарке, первому же наивному дурачку, – говорила она, – сомневаться в себе нельзя, запомни. А периодически задавать себе вопросы все же необходимо, с целью скорректировать вектор твоего движения, по мере надобности. Хотя этого не делают, по-моему, только дураки по жизни или клинические идиоты. Как правило, они плохо заканчивают. Сомневалась ли я? Не без этого. Ни один человек не является роботом с записанной программой, избежать выполнения которой не представляется возможным. В этом и заключается наш бесценный дар, мы можем делать выбор. В мои семнадцать лет объектом моего обожания был Билл. Я понимаю, что я сама выбрала полюбить и привязаться. Никто иной за меня этого сделать бы не смог, как и пси-

хологически отвязаться от этого человека. В тот момент я усомнилась: а верно ли я поступаю? Сейчас я знаю, поступая верно, я бы не усомнилась в ходе своих действий. Такая концепция касается всех, не только меня. Биллу было тридцать лет, недостатка во внимании девушек он явно не испытывал. Этого было в изобилии. Его идолом была Мэрилин Монро, портреты которой, согласно слухам, украшали его дом. Все его девушки напоминали голливудских див начала двадцатого столетия. Зачем ему Рипсима со столь далекими от Голливуда данными, – усмехнулась она, посмотрев на Джину, – узнав о моей симпатии, он принялся было насмехаться надо мной, рассказывая об этом всем подряд с такой подачей, мол, куда этой девчонке до меня. Я – светский человек, но я люблю вспоминать строку из Библии о том, что «гордыня-грех». Все поменялось тогда, когда началась моя карьера за барной стойкой, Билл забылся сам собой. Когда ты целиком и полностью поглощен любимым делом, все остальное отходит на второй план, а то и на последующие. После каждого рабочего дня я приходила в свою съемную комнату дико уставшей от физической работы и от потока информации, надо было выучить рецептуру нескольких десятков напитков, которые предлагал гостям наш ресторан. Ведь пока я не знала наизусть рецептуру напитков и не умела их безукоризненно готовить и подавать, я трудилась на бэк-баре, то есть приносила со склада коробки с посудой и алкоголем, убирала бар, выполняла простейшие заказы. Мозг

от такой многозадачности находился в нокауте, ему было элементарно не до Билла. А позже я узнала, что Билл подсел на тяжелые наркотики. «Гордыня-грех»...

– Я думаю, вам не стоит разъяснять, почему этот человек себя так вел? – иронично заметила Джина, – налицо неуверенность в себе и неудовлетворенность реальностью.

– Да. Это неприкаянность, человек не был самостоятельной единицей, прибегая то к идолам, то к сомнительным связям, то к выпивке, а после и к наркотикам. Будто его изнутри пожирали сомнения в самом себе и он доказывал самому же себе и окружающим, что он крут. Обретая навыки в профессии, я сформулировала для себя умозаключение о том, что жизнь одна, и нечего страдать без видимой на то причины. Страдать можно тогда, когда земля сыплется в могильную яму. Каждое мгновение жизни нужно любить и пользоваться им по максимуму. Даже если взаимности от человека нет, нельзя расстраиваться. Собственно, я рада тому, что от Билла ее не было. Ведь вокруг столько всего замечательного, трогательного, захватывающего, зажигающего, что это нельзя оставлять без внимания. Нырять в человека с головой – дело рискованное, есть вероятность разбиться о подводные камни. Хотя, порой мы выбираем те случаи, где и нырять некуда. Отмель, глубиной по щиколотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.